

И. И. Большунова

**ОТРАЖЕНИЕ «МЫСЛИ НАРОДНОЙ»
В РАССКАЗАХ В. М. ШУКШИНА 70-Х ГГ.
ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ**

Целью данной статьи является демонстрация разнообразия паремиологических единиц, использованных в качестве маркера речевого поведения персонажей. Объектом исследования выбраны рассказы, включенные в третий том творчества В. М. Шукшина. В исследовании проанализированы паремии с точки зрения их тематической принадлежности.

Ключевые слова: метафора, паремия, пословица, поговорка, шукшиноведение.

Творческое наследие В. М. Шукшина является ярким образцом народной живой речи Алтайского края. Герои В. М. Шукшина – представители старого сельского мира, прошедшие коллективизацию, войну, послевоенные репрессии и голодные годы. Всё это отразилось на их мировоззрении и восприятии реальности. Авторская интерпретация самобытного уклада жизни алтайских деревень – главная особенность произведений В. М. Шукшина. Писатель словно пересказывает реальные истории из жизни своих соседей и знакомых, не делая заключений. Напротив, он предлагает читателю самостоятельно сделать вывод о правильности или неправильности поступков своих героев. Часто рассказы остаются с открытым концом, тем самым В. М. Шукшин предлагает додумать финал каждой истории самостоятельно.

Рассказы В. М. Шукшина несут в себе философскую концепцию человека и мира: «Мастерство есть мастерство, и дело это важное. И если бы писатель-рассказчик не сразу делал (старался делать) это главным в своей работе, а если главным оставалась его жизнь, то, что он видел, запомнил, хорошее или плохое, а мастерство бы потом приложилось к этому, получился бы писатель неповторимый, ни на кого не похожий... Человеческие дела должны быть в центре внимания рассказа» [1, с. 366]. И именно дела простого человека, «человека из народа» писатель воспевал в своих произведениях. Такие исследователи, как Е. Вертлиб [2], В. И. Коробова [3], В. К. Сигов [4], Е. В. Черносивтов [5] отмечали, что творчество В. М. Шукшина восходит к идеям русского духовного возрождения. Например, в книге «В. Шукшин и русское духовное возрождение» [2] Евгений Александрович Вертлиб проводит

анализ шукшинской прозы в русле идей Ф. М. Достоевского о преступлении и наказании.

Алтайский край – родина писателя. Именно здесь он услышал фольклор и старорусские говоры. В языке и стиле повествования В. М. Шукшина отражается его особая любовь к самобытному деревенскому языку, к которому привык писатель с детства. Язык становится для писателя средством выражения общественных идей и представляет собой самостоятельную ценность. «Писатель ощущал русское слово как сокровищницу народного опыта, как проявление национального самосознания. Он бережно обращался с богатствами народной речи, доносил их до читателя. И то обстоятельство, что язык Шукшина современен в словаре, фразеологии и синтаксисе, придает произведениям писателя особую привлекательность» [6, с. 46].

Народно-разговорная основа языка лаконично вплетена в канву прозы В. М. Шукшина. «Язык произведений В. М. Шукшина привлекает внимание множества критиков своей актуальностью и неповторимостью. Язык рассказов писателя постоянно изучается. “Живые голоса” его героев оказываются в критических статьях в центре внимания, потому что именно народно-разговорным изложением явлений и предметов Шукшин достигает истинной народности своего творчества» [7]. Фольклорная основа речи героев В. М. Шукшина стала объектом исследования многих ученых. Интерес к стилю писателя возник в середине 60-х гг. 20 века и возрос в конце 80-х гг. Последнее было связано с проведением в 1989 году в Барнауле Всероссийской научно-практической конференции «В. М. Шукшин. Жизнь и творчество». Это знаковое для шукшиноведения событие стало отправной точкой для активного исследования писателя В. М. Шукшина не только как литературного гения, но и как мастера фольклорного стиля.

Язык шукшинских героев настолько разнообразен, неповторим и вместе с тем народен и прост, что он стал материалом для создания нескольких словарей: «Словарь языка Василия Шукшина» В. С. Елистратова [8], «Словарь языка рассказов В. М. Шукшина», «Словарь диалектизмов в произведениях В. М. Шукшина» И. А. Воробьевой [9]. В этих словарях наиболее полно представлены разговорные, просторечные и диалектные слова.

Собственно лингвистический подход к анализу прозы писателя ориентирован на уровневое описание языкового материала (Л. К. Байрамова [10], В. П. Никишаева [11], И. А. Воробьева [9], В. С. Елистратов [8], А. Д. Соловьева [12]). Умение писателя «изображать» разговор – один из важнейших показателей таланта и мастерства автора. Писатель наделяет своих героев лаконичной для деревен-

ского быта речью. В. М. Шукшин в своих произведениях нередко обращался к разговорным, просторечным, интеллигентски-просторечным, вульгарным словам и диалектизмам. По-простому, по-деревенски разговаривают герои писателя друг с другом. Образ персонажа создается автором за счет диалога. Как отмечает Л. И. Шелгунова, «типичны случаи воспроизведения разговорной речи, которая вступает в контакт со всей структурой диалога, создавая параллельный диалог (используются приемы повтора, переспроса, реминисценции, передразнивания» [13]. Интересны и фонетические особенности каждого персонажа. В рассказах мы встречаем детскую речь («гагазинчик», «какие дяди похие», «а дядя Игой казочку ясказывай – п'о зайку... Ох, хоёсенькая»), деревенский говор («хошь», «ишо», «любют»), дефекты речи («заходис», «берес саслык», «подумаес»), тюремный сленг («фраер-то», «фраер. Душу пошел насиловать») и даже попытки героев присвоить и реализовать в деревенских реалиях иностранную речь («цивилейшен», «найн»). Богат лексикон героев. В произведениях можно встретить архаизмы («вечеряли», «сударчика», «давеча») и, наоборот, слова, только вошедшие в обиход простого сельского жителя («цивилейшен»). Стоит отметить, что последние не всегда используются в верном понимании и служат как средство иронии (Анатолий прикинул еще парочку «цивилейшен» (так он про себя называл шляпы)).

Паремии, как отражение представлений народа о мире, обладают сложным внутренним содержанием. Заключая в себе нравственно-этические устои, основные мировоззренческие ценности и предпочтения, поговорки и пословицы выражают широкий круг понятий, благодаря которым в одном емком высказывании сформулирована оценка человеческих качеств. Находясь на пересечении метафоры и реальности, язык паремий иносказателен, но понятен каждому. «Исследование взаимосвязи поэтики и языка пословиц и поговорок, их функционирования в речи носителей фольклорной традиции – сложная задача для исследователя, поскольку эти аспекты являются наиболее важными в определении их жанровой сущности» [14, с. 18].

Материалом для данной статьи послужили рассказы В. М. Шукшина, входящие в третий том шеститомного собрания сочинений [15]. Нами были проанализированы 55 произведений, написанные в период с 1971 по 1974 годы. Большинство рассказов посвящено теме противостояния мировоззрений городских и деревенских жителей. В книге В. А. Апухтиной «Проза Василия Шукшина» [16] исследователь предлагает социально-психологическую классификацию героев: «мещане», «энергичные», «нувориши», «технократы»,

«интеллигенты», «любовинский тип» и др. Социальную типологию можно увидеть и в работах В. Ф. Горна [17]. Сам лингвист отмечает огромное влияние творчества В. М. Шукшина на дальнейшее становление характеров в русской литературе: «Многие герои имеют типологическое значение: они помогают понять массовые и важные для современного общества процессы» [17, с. 33]. При этом литературовед отмечает: «У Шукшина мы наблюдаем не многообразие типов, а разнообразие вариантов одних и тех же характеров и ситуаций: писатель создал такую систему характеров, в которой герои вступают в своеобразные диалоговые отношения, варьируют друг друга. С самого начала творчества он разрабатывал близкие друг другу варианты типического характера. Менял фокус, наводил резкость» [17, с. 225].

Тематически проанализированные паремии можно разделить на восемь групп, согласно значению компонентов, входящих в них:

– паремии, связанные с физиологическими особенностями человека (12 примеров): *«по фене не ботали», «видала виды», «берем все в свои руки», «молчит, как в рот воды набравши», «не гневить бога после», «скрепя сердце тоже стал собираться», «смеется тот, кто смеется последний», «чокнутый на одно ухо?», «ревмя ревел», «но все же голову никакими орденами не заменишь. Или уж она есть, или... так – куда шапку надевают», «гнать бы надо в три шеи», «сперва материно молоко на губах обсохнет»;*

– анималистические паремии (11 примеров): *«баба с возу – коню легче», «сел верхом и давай плешь грызть», «хвост трубой!», «как воробей подстреленный», «они совсем на тебя верхом сядут», «теперь маленько спробуй на своей шкуре», «жалко у пчелки», «подожди пока цыпляток считать», «как с гуся вода», «эта птица может больно клюнуть», «свинья грязи найдет»;*

– паремии, связанные с бытовыми процессами (7 примеров): *«одеяло на себя не тянули, «слово “мед”, но от этого во рту не станет сладко», «полторы тыщи – это дом крестовый», «точно вернула забытый долг», «не пройдешь, не проедешь», «выпьете на пятак, а горя... на два восемьдесят семь», «на чужом-то несчастье свою жизнь строить»;*

– паремии, относящиеся к религиозной тематике (6 примеров): *«глядит, как Исусик», «лучше не рожать – не гневить бога после», «двенадцать апостолов», «осиновый кол в бугорок», «мама крестителя», «за чечевичную похлебку!»;*

– паремии, связанные с бытом сельского жителя (3 примера): *«валенки сибирский», «сор из избы не выносят», «шило на мыло менять?»;*

- паремии, связанные с психическими особенностями человека (2 примера): *«валял дурака», «дурачка-то из себя строишь»;*
- паремии, связанные с тюремной жизнью (2 примера): *«по фене не ботали», «полторы тыщи – это дом крестовый»;*
- паремии, связанные с природными процессами (1 пример): *«елки зеленые».*

Как правило, пословицы и поговорки, относящиеся к религиозной тематике, характерны для «сельских жителей» старшего поколения. Две из них вводятся автором как негативная характеристика «городским жителям» (*«глядит, как Исусик», «за чечевичную похлебку!»*). Паремии, связанные с тюремной жизнью, характерны для речи «городских» персонажей.

С точки зрения конечной метафорической коннотации паремии также можно сгруппировать следующим образом:

- паремии о мудрости (8 примеров): *«баба с возу – коню легче», «по фене не ботали», «одеяло на себя не тянули», «слово “мед”, но от этого во рту не станет сладко», «как воробей подстреленный», «спробуй на своей шкуре», «подожди пока цыпляток считать», «я все сделаю по уму»;*

- паремии о глупости (6 примеров): *«чокнутый на одно ухо?», «валенок сибирский», «но все же голову никакими орденами не заменишь. Или уж она есть, или... так – куда шапку надевают», «выпьете на пятак, а горя... на два восемьдесят семь», «сперва материно молоко на губах обсохнет», «что ты дурачка-то из себя строишь»;*

- паремии о самодостаточности (4 примера): *«берем все в свои руки», «хвост трубой», «жалко у пчелки», «свинья грязи найдет»;*

- паремии о гордыни (4 примера): *«точно вернула забытый долг», «фон-барон», «смеется тот, кто смеется последний», «сор из избы не выносят»;*

- паремии об отстраненности (3 примера): *«молчит, как в рот воды набравши», «за чечевичную похлебку», «как с гуся вода»;*

- паремии о страхе (3 примера): *«не гневить бога после», «будет пятый угол искать», «ревмя ревел»;*

- паремии о хитрости (2 примера): *«видала виды», «шило на мыло менять?»;*

- паремии о жадности (2 примера): *«полторы тыщи – это дом крестовый», «скрепя сердце тоже стал собираться»;*

- паремии о безделии (1 пример): *«валял дурака»;*

- паремии о скуке (1 пример): *«грусть-тоска зеленая»;*

- паремии о подчинении (1 пример): *«они совсем на тебя верхом сядут»;*

- паремии о грубости (1 пример): *«гнать бы надо в три шеи»*;
- паремии о времени (1 пример): *«подожди пока цыпляток считать»*.

Разнообразие представленных коннотаций позволяет сделать вывод о том, что внедрение паремий автором происходит в речи на всех уровнях жизни персонажей. Для того чтобы отобразить уклад жизни обычного человека, В. М. Шукшин использует пословицы и поговорки как в живом общении (*«как с гуся вода»*, *«сперва материно молоко на губах обсохнет»*), так и в эпистолярной, письменной речи (*«любая животная любит ласку»*, *«а то так – сбоку припека»*).

Особого интереса заслуживает использование автором пословиц и поговорок с различного рода нарушениями устойчивости формы и семантики. В проанализированных текстах мы встречаем примеры:

- авторское окончание пословицы / замена компонентов (*«слово “мед”, но от этого во рту не станет сладко»*, *«выпьете на пятак, а горя... на два восемьдесят семь»*, *«волос-то – тоже на одну драку осталось»*);
- редукция компонентного состава (*«гори она синим огнем»*, *«елкина мать»*, *«прижми хвост и помалкивай»*);
- разрушения структуры фразеологической единицы (*«баба с возу – коню легче»*, *«подожди пока цыпляток считать»*);
- синтез в одном высказывании двух фразеологических единиц (*«сел верхом и давай плешь грызть»*, *«чокнутый на одно ухо?»*);
- исключение одного из членов поговорки или пословицы (*«не все средства хороши, уверяю вас, не все»*, *«валенки сибирский»*).

Герои В. М. Шукшина используют паремии, чтобы подчеркнуть народную мудрость, продемонстрировать читателю глубинную житейскую рассудительность простого человека, работающего на земле. Однако автор использует также прием трансформации паремии в качестве демонстрации народной глупости. Так, в рассказе «Срезал» главный герой Глеб Капустин старается уколоть, «срезать» приезжего академика. Но все его доводы пусты и безосновательны. Чтобы подчеркнуть это, автор намеренно разрушает основу народной пословицы, демонстрируя незнание и несостоятельность героя (*«баба с возу – коню легче»*). Подобная ирония над простыми рабочими из деревни заметна и в словах героя рассказа «Ораторский прием» Александра Щиблетова. В произведении Щиблетов должен руководить отрядом сельских строителей. Но персонаж пытается подойти к управлению

как «городской», за что и получает от рабочих отказ. Когда последние идут в кафе за алкоголем, Щиблетов говорит «– *Валенок сибирский, – зло и насмешливо прошептал Щиблетов. – В таверне!.. Хоть бы знал, что это такое*», укоряя простых людей в незнании и ограниченности суждений.

Для того чтобы иронично и емко охарактеризовать новый тип людей – «городские жители», В. М. Шукшин также использует поговорки. Как правило, автор высмеивает пафосность и тенденциозность таких персонажей. Например, в рассказе «Сапожки» можно встретить такую характеристику продавщицы: «*Странный они народ, продавщицы: продаст обыкновенный килограмм пшена, а с таким видом, точно вернула забытый долг*». Поговорка «*вернуть забытый долг*» используется как насмешливое колкое замечание продавщице в рассказе и «городским жителям» в контексте сборника. Подобное замечание «городским» «образованным» встречается и в произведении «Дебил». Главный герой – Анатолий Яковлев (его и прозвали этим обидным словом) – рассуждает о значимости учителей в современных реалиях: «*А то ученых развелось – не пройдешь, не проедешь*». Но часто негативной характеристики удостаиваются не городские начальники, а сельские. В рассказе «Ораторский прием» новоназначенного руководителя Александра Щебетова укоряют его же подчинённые, такие же выходцы из народа: «*уже – хвост трубой!*» (о деловитости Щебетова), «*он что, чокнутый на одно ухо?*» (о нежелании героя мириться с желаниями своих подчиненных).

Часто автор использует поговорки в качестве усиливающих элементов в семейном споре. Такие примеры мы встречаем повсеместно: «*а то они совсем на тебя верхом сядут*», «*... сейчас она у меня будет пятый угол искать*» (рассказ «Мой зять украл машину дров»); «*смеется тот, кто смеется последний*» (рассказ «Дебил»), «*Сор из избы не выносят*» (рассказ «Страдания молодого Ваганова»).

Так, в рассказе «Письмо» обращение матери к своей городской дочери изобилует поговорками («*любая животная любит ласку*», «*а то так – сбоку припека*», «*иди на все четыре стороны*» (70)). А герой рассказа «Билетик на второй сеанс» Тимофей Худяков, как отмечает автор, любил при любом случае ругать судьбу и часто использовал для этого пословицы («*совесть заела*», «*двенадцать апостолов*», «*осиновый кол в бугорок*», «*мама крестителя*»).

Герои произведений В. М. Шукшина – это «сельские жители», «земляки» писателя. Вопреки специфичности действующих лиц, в прозе писателя определяются «вечные» философские вопросы: что такое человеческая жизнь, в чем ее смысл. Творчество Шукшина от-

личается самобытностью и в то же время универсальностью. В речи героев произведений В. М. Шукшина особое место занимает использование паремий. Пословицы и поговорки употребляются автором как особый универсальный языковой прием, на основе которого задается тон дальнейшего сообщения. Паремии выступают как один из языковых способов, благодаря которому В. М. Шукшин погружает читателя в жизнь обычных алтайских жителей.

Список использованных источников

1. Шукшин, В. М. Как я понимаю рассказ / В. М. Шукшин // Собрание сочинений в пяти томах / В. М. Шукшин. – Екатеринбург, 1994. – Т. 5. Рассказы, публицистика. – С. 365–368.
2. Вертлиб, Е. А. В. Шукшин и русское духовное возрождение / Е. А. Вертлиб. – М., 1983. – 184 с.
3. Коробов, В. И. Василий Шукшин / В. И. Коробов. – М. : Современник, 1984. – 365 с.
4. Сигов, В. К. Русская идея В. М. Шукшина. Проблема народного характера и судьбы в прозе / В. К. Сигов. – М. : Интеллект-Центр, 1999. – 302 с.
5. Черносвитов, Е. В. Пройти по краю: Василий Шукшин: мысли о жизни, смерти и бессмертии (картина миропонимания В.Шукшина) / Е. В. Черносвитов. – М. : Современник, 1989. – 240 с.
6. Салагаева, Л. Л. Диалог в прозе В. М. Шукшина / Л. Л. Салагаева // Творчество В. М. Шукшина. Метод. Поэтика. Стиль. – Барнаул : Изд-во АГУ, 1997. – С. 202–205.
7. Козинкина, О. О. Разговорная лексика как особая черта поэтики В. М. Шукшина [Электронный ресурс] / О. О. Козинкина. – Режим доступа : https://pgu.ru/editions/un_reading/detail.php?SECTION_ID=3064&ELEMENT_ID=22634. – Дата доступа : 25.09.2020.
8. Елистратов, В. С. Словарь языка Василия Шукшина / В. С. Елистратов. – М. : Азбуковник, Русские словари, 2001. – 432 с.
9. Воробьева, И. А. Топонимы в художественном тексте В.М. Шукшина В. М. Шукшин. Жизнь и творчество : труды Краевого музея истории литературы, искусства и Алтая / И. А. Воробьева // Барнаул. – 1992. – Вып. 2. – С. 163–165.
10. Байрамова, Л. К. Татарские переводы рассказов В. М. Шукшина: эквивалентность во фразеологии / Л. К. Байрамова, И. А. Садыкова // В. М. Шукшин: жизнь и творчество. – Барнаул : Алтайск. ун-т, 1994. – С. 155–157.
11. Байрамова, Т. Ф. Словарь языка рассказов В. М. Шукшина / Т. Ф. Байрамова, В. П. Никишаева. – Бийск : НИЦ, БПГУ им. В. М. Шукшина, 2002–2005. – Вып. 1–3.
12. Соловьева, А. Д. Словарь фразеологизмов в произведениях В. М. Шукшина // Творчество В. М. Шукшина: энцикл. слов.-справ. Т. 1 / науч. ред. А. А. Чувакин. – Барнаул, 2004. – С. 207–331.
13. Шелгунова, Л. М. Воспроизведенная речь персонажей в диалогической структуре рассказов В. М. Шукшина / Л. М. Шелгунова // В. М. Шукшин. Жизнь

и творчество : сборник тезисов; редкол.: С. Н. Пешкова (гл. ред.) [и др.]. – Барнаул, 1994. – С. 43–49.

14. Ойноткинова, Н. Р. Алтайские пословицы и поговорки: поэтика и прагматика жанров : монография / Н. Р. Ойноткинова. – Новосибирск : Ин-т филологии, 2012. – 353 с.

15. Шукшин, В. М. Собрание сочинений в шести томах. Том 3 / В. М. Шукшин // составитель: Л. Н. Федосеева-Шукшина. – М., 1984. – 365 с.

16. Апухтина, В. А. Проза Василия Шукшина / В. А. Апухтина. – М. : Высшая школа, 1986. – 94 с.

17. Горн, В. Ф. Наш сын и брат. Проблемы и герои прозы В.Шукшина / В. Ф. Горн. – Барнаул, 1985. – 294 с.

The purpose of this article is to demonstrate the variety of paremiological units used as a marker of the characters' speech behavior. The object of the research is the stories included in the third volume of V.M. Shukshin. The study analyzed paremias from the point of view of their thematic affiliation.

Keywords: metaphor, paremia, proverb, proverb, shukshinology.

УДК 811.161.1'373:398.92

О. А. Бурьяк, О. Н. Мельникова

ПЕРСОНИФИКАЦИЯ ЖИЗНИ В УСТОЙЧИВЫХ СОЧЕТАНИЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматриваются метафорические сочетания с компонентом «жизнь», отражающие антропоморфные признаки в образной составляющей рассматриваемого концепта. Предметом исследования являются особенности функционирования данных устойчивых сочетаний в художественном дискурсе (на материале текстов, представленных в Национальном корпусе русского языка).

Ключевые слова: лексема, семантика, концепт, образ, метафора, персонификация, сочетаемость.

Слово *жизнь* является ключевым именем концепта, который занимает одно из центральных мест в русской лингвокультуре. Содержание концепта, как известно, раскрывается во всей совокупности парадигматических и синтагматических отношений, в которые он вступает. В структуру концепта входит то, что делает его фактом культуры – этимология слова, его семантика, современные ассоциации, оценки, коннотации.